

Моск. Концертополит. - 1992 - 1993.

» • 19 сентября 1992 г.

Это интервью мы провели на пару, вопросы обдумывали вместе. Евгений Додолев в течение четырех лет собирал досю о «Секундах» и даже опубликовал материал размером в газетную страницу под названием «В Невзорова стреляли только раз» («МК» от 5 января 1990 года). Но Андрей Ванденко в Питер вынужден был поехать один. Так получилось, что соавтор почувствовал, что еще одну встречу с надменным Секундомэром не паренесет...

Поездке предшествовала неделя переговоров с НТК «600». Для того чтобы встретиться с Невзоровым, сегодня одного желания мало. Александр Глебович с некоторым пор избирателен в контактах и контактах. Потребовалось ходатайство поддерживающей постоянную связь с «Секундами» Тамары Шениной, жены находящегося в Матросской Тишине по делу ГКЧП Олега Шенина. Впрочем, и поручительство Тамары Александровны позволило только открыть обитую железом дверь с номером 422 и шифрозамком в телецентре на Чапыгина, 6, в СПб. Лишь поспать в помещении НТК «600», но не более.

Александр Глебович, старательно не глядя в сторону Ванденко, бросил как бы в пространство: «А мы еще посмотрим». Затем Невзоров, упорно продолжая не замечать Андрея, шелкнул фразой в сторону пресс-секретаря «Секунд» Людмилы Шукиной: «Ебелдоса мне подсунили?» (для непосвященных: ебелдос — это не из инфернальной лексики, а всего лишь один из неологизмов, полюбившихся Невзорову. Сия аббревиатура расшифровывается просто: Ельцин — Белый дом — Свобода. По первым буквам слов. Есть еще забелдос — защитник Белого Дома. Собачик — Собчак защитник демократии и конституции и т. д.).

Андрей ВАНДЕНКО и Евгений ДОДОЛЕВ

СЕКУНДОМЕР НЕВЗОРОВ

Московский журналист молча попил кофе, предложенный ему Шукиной, которая всем видом старалась смягчить резкости сурового патрона. А тот, накунув знаменитую кожанку, по пути к выходу наконец снизошел до нескольких слов:

— Ну вот что... Приходите часов через пять. Сейчас у меня дела, съемка.

— Может, и я с вами?

Выражение лица Невзорова на язык слов можно было перевести примерно так: «Непроверенных, темных личностей в разведку не беру». Дабы не оставалось никаких сомнений, Александр Глебович сурово добавил:

— Должен предупредить, что все услышанное вами в НТК является нашей служебной тайной, разглашению не подлежащей. Мы за вами будем следить.

Признаться, кроме многостажных разрядов отборного мата, которыми уснащал свою речь Невзоров, практически ничего похожего на служебную тайну в «Секундах» услышано не было. Но на богатства русского разговорного жарга ли можно поставить «секундовский» гриф ДСП. Если уж политики привселюдно не стесняются заигать в три колена, чего уж матерому зубру репортажа кокетничать?

...Вернувшись на Чапыгина через пять часов, гость-журналист узнал, что за это время некто неизвестный по телефону угрожал взорвать к чертовой бабушке «весь этот бордель под названием телецентр». Группа «600 секунд», естественно, оказалась на месте предполагаемого взрыва. К счастью, обошлось, тревога была ложной. Но впрыскивание адреналина в кровь действовало на настроение Невзорова, и после небольшого припадка допроса корреспондент «МК» наконец был допущен в «кабинет» Александра Глебовича, а точнее, в закуток, вычлененный из общей комнаты.

Здесь, среди мешанины разнотравной видеотехники, колычуг, палашей, портупей и стягов «Наших», было позволено включить диктофон. Сначала Невзоров грозился уделить не более получаса, говорил же, пока не закончились кассеты. Вряд ли интервьюируемому было так уж интересно отвечать на вопросы. Для него важнее показать, кто тут главный, за кем решающее слово. На протяжении всего разговора в комнате присутствовал главный режиссер «Секунд» Михаил Ермолов. Он почти безмолвствовал, но казалось, что Михаил Михайлович главный режиссер не только «Секунд», но и поведения самого Невзорова...

Прежде чем дать расшифровку беседы, нужно объяснить, почему мы оставили без изменений наиболее крутые и образные выражения Александра Глебовича. Конечно, можно смикшировать, олитературить какие-то фразы, будь это случайной оговоркой, неудачно сорвавшимся словом. Но Невзоров специально говорил ТАК, значит, он хотел, чтобы его увидели именно ТАКИМ. Смотрите же.

ТЕМ САМЫМ ОТ ЗАМУДОНЦА

— Поскольку в разговоре о журналистах вы все время оперируете местоимениями «ваше» и «наше», можно сделать вывод, что себя вы к проституткам, вынужденным продаваться властям, не относите ли и не относите?

— Конечно, нет. В желании лизать чинущим меня никто не может заподозрить.

— И все-таки: за что вы так не любите своих коллег?

— Понимаете, для того чтобы быть моим коллегой, надо быть репортером не меньшим, чем я. Фигур же такого масштаба, к сожалению, я больше не знаю. Поэтому с коллегами вокруг у меня плохо. Я их не вижу.

Конечно, есть уважаемый мною Урмас Отт, есть, скажем так, не то чтобы уважаемый, но все же заметный Станислав Говорухин. Последнего я, кстати, не люблю. Между прочим, он в большей степени секундомер и репортер, чем кинорежиссер. То, что он делает, это чистое телевидение, чистая публицистика, и у меня ощущение, что этот сдвиг в мировоззрении произошел у Говорухина от слишком внимательного изучения «600 секунд». Если вы смотрели фильм «Так жить нельзя», то у вас наверняка должно было возникнуть ощущение, что перед вами сильно разнервнившиеся «Секунды». Поэтому этих двоих я еще могу называть коллегами. Вне зависимости от отношений, существующих между нами. Этот суперстонец Урмас, националист паршивый, вызывает тем не менее у меня огромное уважение, потому что я знаю, что в трудную минуту он всегда придет мне на помощь.

Так что с немногочисленными коллега-

ми у меня все в порядке, а что касается разного рода телевизионной мелюзги, так ее судьба меня вообще не интересует.

— А газетчики? С ними что не поделили?

— И среди газетчиков у меня много друзей. Среди настоящих газетчиков, которые сделали ставку на пропаганду, разрушающих государство и общество идей. Идей насквозь преступных и в общем-то известных. Это все говно прошло уже свои перегонные кубы, выпаривалось с 1903, с 1906 года, когда была объявлена какая-то свобода совести. Уже тогда это дерьмо стало выплескиваться во все стороны. Было такое в нашей истории один раз. Это, кстати, описывается в известной хорошей книге «Протоколы советских мудрецов». Там прямо указан путь дестабилизации общества — через прессу.

— «Протоколы советских мудрецов»? Вы не ошиблись?

— Советских, советских. Автор — Климов. Очень рекомендую к прочтению. Книжечка несколько параноидальная, есть там постоянная заикленность, кто педераст, а кто нет. Лучше на это внимание не обращать и пропускать мимо глаз, но там, где Климов пользуется документами, раскрывающими тактику разрушения общества, есть вещи очень любопытные. Так делалось и в Вавилоне, и во Франции в XIV веке. И смута 1612 года была предвзвешена примерно такой же идеологической обработкой, как и сейчас.

ПОЧТИ ПО СТАНИСЛАВСКОМУ

Когда один из авторов этого материала в последний приезд Виталия Коротича с ним встречался, то задал ему несколько вопросов специально-

Такие репортеры не бываю в благополучной стране, в устроенном обществе.

«НАСРАТЫ»

— «Независимая газета» опубликовала вашу историю болезни...

— Когда меня сумасшедшим называли?

— Кто такой автор этой самой заметки? Можете меня сейчас расстрелять, но я при всем желании фамилии его не вспомню. Придет какой-нибудь козел, возмет лист бумаги, сдрочит на него, размажет пальцем, а я, по-вашему, должен вглядываться, как легли капли или как он завитушки размазывал? А тут этот, блядь, козел сопли свои тиснул через газетенку, растиражировал. Это его собачье мнение, до которого мне нет дела. Какой-то шпингалет, никто в этой профессии и вообще — НИКТО, позволяет высказывать обо мне свое мнение. Да и хрен с ним, господи! Насраты!

— А то, что в антиневзоровской кампании особенно усердствуют именно бывшие комсомольские издания — «МК», «Собеседник», питерская «Смена» — вы как-то можете объяснить?

— Я бы мог отделиться фразой, что такова обычная тактика перевортышей, но это то, над чем мне и задумываться не хочется. Я не сильно анализировал, почему вонь дачных сортиров отличается от смрада вокзальных уборных. В парашу я не нохотать хожу. Меня абсолютно не колышет, какими мотивами руководствуются мои злопыхатели. Я выше этого. Кто меня любит, тот останется со мной, а кто нет... Что ж, пусть изучает концентрацию вони в толчках.

— Если вся эта писанина вам безразлична, к чему заводить аккуртнейший альбом с вырезками публикаций об НТК, который показывала Шукина? Кстати, пос-

задним числом над текстом измыслился, мне всякие клички придумывал. Значит, говно мужик. Или баба.

«НЕ ТРОГАЙТЕ МОЮ ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ»

— Книжки, вышедшие в «Палее», для вас неожиданность?

— «Невзоров и Собчак» подписала какая-то фрейлина. Специальными вычислениями я не занимался, но, скорее всего, барышня из пресс-центра мэрии. Там несколько таких чувствительных. Я почему-то на барышень действую сильно.

А что касается второй книги, то тут ходил парень в очках. Интеллигент, кажется. Что самое страшное. Пытался выведать какие-то факты моей биографии. Был далеко послан. В результате написал книгу.

— Вы обмолвились о барышнях. Находите свою внешность сексуальной?

— Меня это меньше всего интересует. Хотя, скажем, недавно я вернулся из Приднестровья. Не думаю, что у молдавского ОПОНа, с которым я встречался в реальной ситуации на Кошницком плацдарме, была возможность оценить сексуальность моей внешности. По крайней мере, я доставал их не тем, чем достают во время сексуальных отношений.

— Это вы и о той снайперше, которую могли подстрелить, но не сделали?

— Да, о чем до сих пор жалею. Но ее потом все равно сбросили с восьмого этажа. Судя по описанию, это была именно она. Эта стерва перемолотила старух пятнадцать в Бендерах. Через свой оптический прицел. Только для того, чтобы, как выражаются умным языком, дестабилизировать обстановку в городе. Сидела в высьоте и фигачила из биатлонской винтовки так, что у людей мозги на стену. Один раз я сам ее держал на прицеле, но на спуск не нажал. Баба, кстати, хорошенечкая, крупная, может, поэтому и не выстрелил. А зря.

Из интервью с руководителем РТВ Анатолием Лысенко, подготовленного год назад.

Вопрос. А как вы, кстати, относитесь к Невзорову? Я его считаю лучшим из тележурналистов страны. И не боюсь этого утверждать где только можно. (Я вас не провоцирую. Я почти искренне.)

Ответ бывшего куратора «Взгля-

дажет творческую состоятельность, а потом рот разевает. Говорить не о чем. Сорокина ушла, причины... Скатертью дорога.

— К женщинам мы еще вернемся, а пока, будьте любезны, дайте сравнительную характеристику двум героям многих своих репортажей — Гидаспову и Собчаку.

— Собчак — фигура одиозная, паршивенькая. Гидаспов же... Знаете, даже хреновенькая картина XIX века стоит дороже современной, если она имеет подпись автора. Гидаспов тоже с кракелюрчиком. Он как бы уже из истории и этим уже интереснее. Не забывайте, ребята, какой бы Гидаспов ни был красным, какой бы он ни был коммунист, но мужик схватил тройную дозу в Чернобыле, он класснейший инженер, класснейший исследователь-химик, которого черт дернул полезть в эту партию. И как только он туда полез, разлагающийся совершенно аппарат заразил его своим гниением. Борис Вениаминович встал из зачем-то себе новые зубы, стал ослепительнейшим образом улыбаться, жутко фальшиво. А Собчак в общем-то и пришел достаточно фальшиво. Да что о нем говорить, он отмирающая фигура.

— Хорошо, тогда давайте о еще двух людях, без которых Александр Невзоров просто не появился бы на свет. О родителе. Недавно вы заявили, что считаете себя круглым сиротой. Отца вы никогда не знали, а от матери отказывались.

— Ну что значит «отказываюсь»... А вообще, это мое личное дело. И вопрос, конечно, дурацкий, но фактически я действительно круглый сирота и счастлив, что у меня нет родственников.

— И это вы говорите при живой матери?

— Ребят, ну чего вы лезете не в свое дело? Живой, неживой... Для меня нет понятия: мать — не мать.

— Кстати, ведь именно Галина Георгиевна привела вас в свое время на телевидение?

— Это очередная легенда. Когда я пришел на ТВ, Галина Невзорова здесь давно не работала и о моем желании тут трудиться вообще не знала.

— По вашим словам, об отце вы знаете только то, что он был русским. Для вас принципиален вопрос его национальности, почему именно на этом вы акцентируете?

— Ох, опять вы лезете. Ничего я не акцентирую. Национальность — это единственное, что сказал мне об отце дед.

НЕПОДАЧЛИВЫЙ «НАШ»

— Видимо, взятки вам предлагали неоднократно. Какая максимальная сумма была?

— Знаете, в последнее время что-то никто не предлагает. Да и раньше, как правило, до сумм не доходило. Я сразу посылал куда подальше, ну туда... Как эта штука называется? Ха-ха!

Из интервью с Эдуардом Сагалаевым (записано сразу после «Путчевых» дней 91-го года).

Вопрос. Вы не считаете, что Невзоров — один из талантливейших (при всех его «грехах») тележурналистов?

— Ответ. Вы знаете, я считал его в свое время человеком, который мог стать своего рода телевизионным Гиларовским. Считал его очень энергичным человеком. С колоссальной внутренней энергией и с большими способностями. Но сегодня... Я думаю, что гений и злодейство несовместимы. Эта старая формула Александра Сергеевича Пушкина незыблема, по-моему. Я бы сказал, что Невзоров — способный злодей. Потому что то, что он делал и до путча, и, насколько мне известно, во время путча, это все можно охарактеризовать этим понятием — злодейство. Да, он может быть, человек не робкого десятка. Но лично я рядом ставлю Александра Невзорова и Леонида Кравченко. В этот же ряд можно поставить еще многих, так или иначе способствовавших путчу, создававших его идеологию. Потому что переворот готовится не год, не два. Его подготовка фактическая была начата после того, как консервативные силы военно-промышленного комплекса, КГБ, армии и МВД сплотились. И те, кто создал такую идеологию, мне кажется, несут не меньшую моральную ответственность, чем трясущийся Янаев.

— А вам взятки давать приходится?

— Вот так, чтобы прямо денежку со-

вовать?

— Вам виднее, какие формы еще существуют.

— Черт возьми, посмотрите Уголовный кодекс, там есть специальное приложение, описаны все формы — участием в деле, неучастием и т. д.

— Но вам какой-то из этих форм пользоваться приходится?

— Естественно. Я вообще не понимаю яростной волны борьбы с взятками.

— Скажите, а можно рассматривать как одну из разновидностей взятки тот факт, что во какое-то время были вписаны в судовую роль одного из экипажей судов Балтийского морского пароходства и регулярно совершали вояжи за границу?

— Если вы ведете разговор к тому, чтобы теперь этому кораблю сегодня присвоили мое имя, то я против. Считаю это преждевременным.

— Нет, Александр Глебович, не об увековечении вашей памяти речь, а о взаимоотношениях со столь чтимым вами УК России.

— Вас интересует, куда я ездил? Не помню. Вы хотите меня ушучить? Это глупо. Ну и в судовую роль, так что? Зачем меня пароходству подкупать?

— Вы мне вопросы задаете? Это я вас спросил: можно ли рассматривать данный факт как одну из форм взятки?

— В принципе да, можно. Но для того чтобы классифицировать взятку, необходимо иметь причину дачи и получения.

— Ну с этим-то я проблем не вижу. Для чего берут, всем очевидно. А дают... Может, пароходство таким образом вашу лояльность покупало, может, вы на них какой компромат собирали? Впрочем, я не следователь, гипотезы строить не буду, мне важно было от вас принципиальный ответ получить, и я его получил.

— Ладно-ладно, но я все-таки скажу: наше чиновничество замечательно знает, что подкупить меня невозможно. Даже став лояльным, я остаюсь опасным. Знаете, есть замечательные стихотворные строчки: «Пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнет пистолет». Это обо мне. Если заходит речь о каком-то скандальном материале с участием наших так называемых друзей, то мы обычно переждаемся с Михал Михайловичем Ермоловым, крестимся и говорим: «Не дрогнет пистолет». Кстати, я совершенно уверен, что эти слова вы вынесете в заголовок интервью. Дарю.

...Авторы благодарят за подарок.

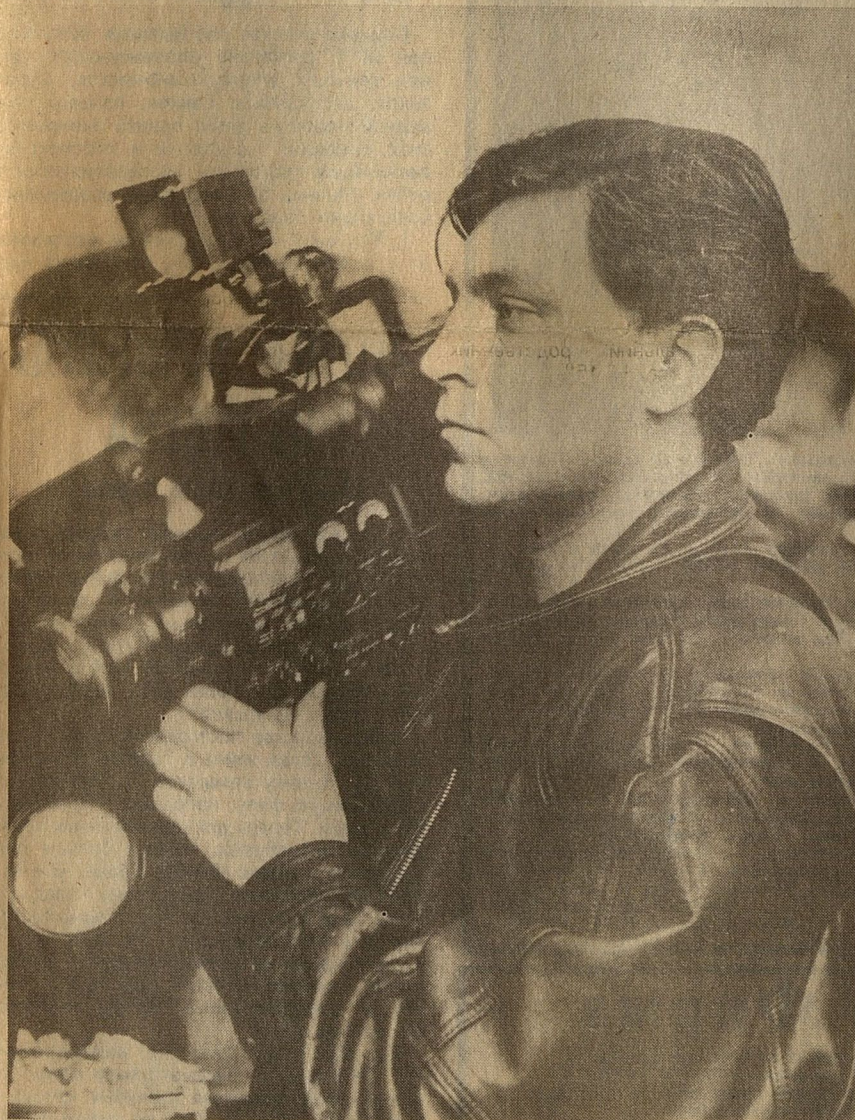

Фото Сергея ЖАБИНА.

Александр Глебович: «Пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнет пистолет»

ледним подклеено сообщение издательства «Палее» о том, что вас пытались похитить.

— Мать-перемать! Какое еще похищение? Не знаю я никакой «Палеи». Подвалил ко мне однажды бородастый, не очень трезвый мужчина и говорит: «Я — «Палее». Отвечаю: «А я Невзоров». Мужчина ступешав и разговор продолжать не стал. Все! Сообщение о своем похищении я услышал по радио, поскольку у нас запрещено в редакции читать ебелдовскую прессу. Выматерился я по этому поводу и забыл. Вы напоминали.

А газетчики демократические читать — время терять. Для меня это равносильно изучению фекалий господ дерьмократов.

— Ваши неологизмы — ебелдос, собдик, подпдик...

— Это не мои, не мои. Что мое — то мое. А эти афоризмы просто благодаря «Секундам» широко известные стали. А что — нормальные слова. Если раньше, после революции 17-го года, могли детей называть Марксенами, Виленами, то почему бы после этой революции милый демократический семье, где он педераст, а она лесбиянка и где оба больны СПИДом, где оба защитники Белого дома, почему бы такой семье не наречь своего малыша Ебелдосом и не пускать от умиления слезы вперемешку с гноями?

— Ну раз вы такие советы даете, я могу быть спокоен: не обидитесь на то, что вас «Собеседник» замудонцем назвал, смыл-то какой глубокий заложен — Завышенное Мускулистое Державное Отечество — Невзоровская Цель.

— Это, ребята, уже вторично, как говорится, вчерашняя хохма — сегодня не хохма. Называйте, как хотите, но ведь это вы приходите брать у меня интервью, а не я у вас.

— Уели, Александр Глебович, уели. Только я ведь не на ристалище, чего мне с вами махаться?

— А я к вам как раз претензий и не имею. Я о тех, кто приходил, а потом